

Павел Байков

Дословная тишина

Павел Байков

Дословная тишина. Книга стихов

«Геликон Плюс»

2013

Байков П.

Дословная тишина. Книга стихов / П. Байков — «Геликон Плюс»,
2013

«Есть поэты, чтение стихов которых похоже на поедание геркулесовой каши: и полезно, и утоляет голод. Поначалу вкусно, но много не съешь. Их стихи обычно принимают порциями. Если вам нужна такая поэзия, лучше возьмите другой сборник. Этот хочется читать сразу и до конца. А перевернув последнюю страницу, заглядываешь за обложку: а нет ли там чего еще. И хотя Павел Байков уже перешагнул рубеж своего 50-летия, прошел каменоломню формальной поэзии, став одним из лучших палиндромистов нашего времени, как поэт он остается отпетым лириком, продолжая радовать и удивлять читателя «дословной тишиной» говорящего мира». Александр Горнон

Содержание

Серебронза	5
Снаружи: шум буквальный – искрами в лицо...	5
Когда сознание сузится...	6
Десять заповедей в коме...	7
Она в меня подумала...	8
Никому не враг, не друг...	9
Когда Минувшее столкнулось...	10
Настроенье моё чудесное...	11
Смеркалось. Мысли лезли к потолку...	12
Висит отточенное – небо слышится...	13
У живого за хвост человека...	14
Душа от тела отрывает кровь...	15
Юный Боже лесных фотографий...	16
Полнолуние молится в сторону сонной артерии...	17
Болитвы	18
На меня напала туча...	18
Бесконечная вода...	19
Не найдя в исподнем счастья...	20
Угольки по уголкам...	21
Никуда и ниоткуда...	22
Под уздцы схожу с ума...	23
Где-то кровью, где-то потом...	24
Сердце бьётся в пустоту...	25
То ли воздух дал осечку...	26
Я числом иду войной...	27
Бесчисленный Байковник	28
На дне двух лиц, случайно совмещённых...	28
Мой ослёнок золотистый...	29
Тишина блестит очками...	30
Ни кола я, ни двора я...	31
здесь когда-то были тополя...	32
Кто-то маленький и сладкий...	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Павел Байков

Дословная тишина. Книга стихов

Серебронза

Снаружи: шум буквальный – искрами в лицо...

Снаружи: шум буквальный – искрами в лицо,
сквозь кожу обжигает слепки представлений
в сознании, звуча к началам нервных окончаний.

Внутри: по краю света вырванные вплавь
слова на ощупь выбирают из шума,
сбиваясь в текст (но не с пути, не с ритма в стадо – в стаю!).

Тельцами шелестит читательская кровь...
Ещё раз сделал то, что в позапрошлом было
единым целым: **в космосе – ни полночи, ни полдня...**

Когда сознание сузится...

Когда сознание сузится
До ниточки вперёд —
Пройдёт по телу музыка
И человек умрёт.

Но человек останется
Просунутым во тьму,
Где пустота под пальцами
Шевелится к нему.

Тогда с ладоней линии
Сойдут на раз, два, три...
И человечек глиняный
Рассыплется внутри.

Десять заповедей в коме...

Десять заповедей в коме,
Тускло лампочка горит.
Человек в прошедшем доме
Что-то искоса мудрит.

Выдвигаясь из размеров,
Воздух крошится в ночи.
За чертой небесной сферы
Человек ползком молчит.

Лишь внутри себя встречая
Слаборазвитый рассвет,
Он злословит в чашку чая
На бесследном склоне лет.

Она в меня подумала...

Она в меня подумала,
Что станет мне женой.
И грянули под куполом
Оркестры в мир иной.

И высыпались правила
Шипами на паркет,
А я сидел и вздрагивал
На каждом бугорке.

Сгорает сумрак заживо,
Спрессованный в тупик.
Всё сделанное кажется
Вчерашним напрямик.

Никому не враг, не друг...

Никому не враг, не друг,
Изнутри подпиленный,
Человек с лицом вокруг
Обнажил извилины.

Округляясь до нуля
В бесконечность выстрела,
Из лица глаза скулят
Без пяти – осмысленно...

Жизнь по скошенной траве
В небо перечёркнута —
Завалился белый свет
За подкладку чёрного.

Когда Минувшее столкнулось...

Когда Минувшее столкнулось
Лоб в лоб с просроченным Грядущим —
Над человеком кровь сгустилась.
И человек, влетев случайно
В остановившееся время,
Моргает головой просторной.
(В кастрюле хруст его извилин).

Он вспоминает из кармана,
Как, сидя в бой на унитазе,
До нитки проигравшись в прятки
И рассыпаясь на квадраты —
Он выключил себя снаружи,
Потом задул свечу внутри.

Теперь на все замки открытый,
Став человеком из огрызков,
Он лёжа правит бал на сцене,
Играя первую похлёбку
В анатомическом театре.
Его душа бежит по трубам
Рыгая на ходу подмёткой,
Ручей членораздельной речи
Стекает на пол из затылка.

Над ним патологоанатом
Склонился с хохотом печальным,
Разглядывая по спирали
Бесценную работу смерти.
Вокруг отвисли чьи-то лица,
Глазами собираясь в точку,
Вникая с разворота в тему:
Причина смерти человека.

За окнами осенний вечер.
Погусторонний город...
Вечность...
Спросонья сумеречной пеной,
Покрылся воздух изнутри.

А где-то рядом во Вселенной,
Под сводом внеземной зари,
На основании ребёнка,
Забыв размерами про стыд,
Мечтают двое перепонкой,
Подробно воя на кусты.

Настроенье моё чудесное...

Настроенье моё чудесное,
В ухе заснула блоха.
Обои рваные, тесные,
В подушку набита труха.

И за нос меня гномы дёргают...
Зачем, всё же, я живу:
Чтоб шкаф двигать в бездну чёрную
И в этом лежать шкафу?

Смеркалось. Мысли лезли к потолку...

Смеркалось. Мысли лезли к потолку.
Вращался обруч кровеносного пейзажа.
На свежем мертвецке играла в карты стража,
Накладывая скуку на тоску.

Кто застрелил Байкова под шумок,
А после в рану вполз и притворился пулей?
Под полицейскими задами выли стулья,
А тело мысленно просилось в морг.

Душа качалась на своих ветвях,
Убийца корчил рожи ей, дыша чуть слышно.
На письменном столе лежал Байков остывший,
Герой сюжета в криминальных новостях.

Висит отточенное – небо слышится...

Висит отточенное – небо слышится.
Сидит откормленное – руки падают.
Стоит открытое...
Ничто не движется в метро каменных лиц.

Кричат закрытые рты – их нет.
В глазах гнездятся птицы —
не становись в очередь.
Неслышим-Невидим встал:
«Тсс-ссс... Остановка Серых Мышей!..»

У живого за хвост человека...

У живого за хвост человека
Скособочено время внутри:
Из пустого кармана – с разбега,
Он глядит сразу нб две зари.

А в прокуренном сердце иголка
Отдаётся ногами вперёд.
Время тянется быстро. Как долго
Жить осталось в искусственный лёд?

Над землёй разрастаются солнца —
Сыном, Духом Святым и Отцом,
Где на множество маленьких порций
Нарезается время свинцом.

Душа от тела отрывает кровь...

Душа от тела отрывает кровь —
Ей влага зрячая разумней после тела.
Сухая глина возвратится вновь,
Туда, откуда свыше прилетела.

Оттуда осень кажется весной,
Там свет по кубикам возводится в квадраты,
Туда проснётся то, что было мной,
Без имени и сумеречной даты.

Юный Боже лесных фотографий...

Юный Боже лесных фотографий
Трепет сферы воздушных девичеств
Принимал как свою бесконечность.
Полыхающим снегом окутан,
Он разбитые чаши событий
Наполнял отражением мёда.

Внутривенное солнце в зените —
Время выхода в собственный космос,
Изразцовое время² (в квадрате),
Где в растительном омуте текста
Обитает загробная рыба,
Как сестра без сестры и без брата.

Отрываясь от берега ночи
На исходе бессонницы летней,
Принимая свою бесконечность,
Я смотрел на полярные звёзды,
Как рассвет отделялся от волка,
Обнаженного кровью оленьей.

Полнолуние молится в сторону сонной артерии...

Полнолуние молится в сторону сонной артерии.
Вниз словами шевелится книжная пыль эзотерики.
Заколочена кровь. Заживает Второе Пришествие.
Утопая в часах, друг за друга цепляются шйстерни.

Время ходит е-два – е-четыре за линию вечности.
Храм от света отрезан горящими в золото свечками.
Осыпается дно. На зубах сокровенное крошево.
Затекают конечности в щели дальнейшего прошлого.

Я учился любить на живых организмах по полочкам.
Занимался огнём, проходя курс ранений осколочных.
Закрывался в глаза. Выживал из ума до последнего.
О себе сам с собой разговаривал через посредника.

Нет сегодня, нет завтра, нет будущей жизни над пропастью.
Посторонние мысли приходят священными тропами.
Проливается боль. Мой клинический ангел беспомощен.
Полнолуние молится в тонком сиянии облачном.

БОЛИТВЫ

На меня напала туча...

На меня напала туча.
Ну, не туча пусть, вода.
А вода хоть и трескуча,
Но не треснет никогда!

Пароход мой под парами —
Выдох, вдох, пустой гудок.
Деньги пахнут комарами,
Улетающими в долг.

Бесконечная вода...

Бесконечная вода
Вытекает после смерти
Из лежащего туда
В не надписанном конверте.

Отрываются шаги
От земли в открытый воздух —
Ты беги, беги, беги
Через край, пока не поздно.

Не найдя в исподнем счастья...

Не найдя в исподнем счастья,
Встав плашмя из-под земли —
Буду я здоров на части
Без покойницкой сопли.

А когда меня накормят
Этой жизнью на века —
Буду я в разумной форме
Разлагаться свысока.

Угольки по уголкам...

Угольки по уголкам
Глеют нищему на память:
Дом, сгоревший в Божий храм,
Не вернуть и не оставить.

Всё рассчитано дотла.
Зимний лес под сердцем кружит.
Жизнь за шиворот прошла,
Заключённая снаружи.

Никуда и ниоткуда...

Никуда и ниоткуда,
От вращения натошак,
Бьётся заживо посуда
С содержимым сообща.

И глядят потом осколки
Преломляя Божий свет,
Как проходит век недолгий
Человеческих котлет.

Под уздцы схожу с ума...

Алёне Бабанской

Под уздцы схожу с ума,
Кем – неведомо – ведомый
Сквозь лекарственный туман,
Обнуляющий изломы.

Раздвигая на ходу
Свет руками, с мёртвой точки
Я кого-то вниз веду,
Головой в себя просрочен.

Где-то кровью, где-то потом...

Где-то кровью, где-то потом,
Где-то желчью со слезой,
Протекала в стол работа
Человека над собой.

Океаны в каплях влаги,
Отпущение трудов...
Слиплись буквы на бумаге
В нечто чёрное без слов.

Сердце бьётся в пустоту...

Сердце бьётся в пустоту,
Бьётся с кукольной скукой —
Сокращённый с корнем стук...
И в ответ ему ни звука.

Как вести себя туда,
Где в лицо попутный ветер,
Где на солнечный удар
Рассыпаешься в ответе?..

То ли воздух дал осечку...

То ли воздух дал осечку,
То ли свет покинул грудь.
День как утро, ночь как вечер —
Ни проснуться, ни заснуть.

Время набок покосилось,
Дождь со снегом за окном.
Как безвременно красиво
Слился с кладбищем мой дом.

Я числом иду войной...

Я числом иду войной
За пределы суммы тела
Против стрелки часовой,
Чтобы кровь не зачерствела.

Лики кончено святых
Удивлённо смотрят: кто там,
К ним причисленный под дых,
С циферблатом бьётся током.

Бесчисленный Байковник

На дне двух лиц, случайно совмещённых...

Памяти Бобрышевой Т.

На дне двух лиц, случайно совмещённых,
Туземец плоскости зеркальных качеств
Искал единство паруса и ветра,
Растягиваясь в сумерках движенья...

Мой ослёнок золотистый...

Моей жене Кате

Мой ослёнок золотистый
На нескошенном лугу
Щиплет солнечные листья
И не щиплет шелуху.

День из мёда сотворенный
Расцветает на траве.
Бродит в платяишке ослёнок
С хохолком на голове.

А в лесу дремучем волки
Нагуляли аппетит.
Тень сердечная на ёлке
Головою вниз висит.

Сумрак режет по живому,
Дальше – тёмная вода
И небес надмирный омут
Без суда и без следа...

Даль безмолвно зеленеет,
Травы шепчут-шелестят,
Что опасностью болеет
Лес для маленьких ослят.

Тишина блестит очками...

Тишина блестит очками,
В небе тёмная луна.
Здесь сморчками и строчками
Вся земля заражена.
Мой русскоязычный лес —
Здесь я умер, здесь воскрес.

Лик размазан облаками,
Замерла в полётемышь.
Окружённая шагами,
Ты испуганно молчишь.
Лес глядит под сердце нам,
Вырубленный пополам.

Обгоревшая иконка
По краям – моя вина.
Нерождённого ребёнка
Ноша наша дотемна.
Кольца флейты плавно стелют
Чужеродных звуков дым.
И внутри своих петелек,
Каждый порознь мы сидим.

Ни кола я, ни двора я...

Памяти Н. С. Байкова

Ни кола я, ни двора я,
Не имею, не хочу я.
Не горяю —
Не сгорю я.
У Святого Николая,
Язвой духа не хвораю,
Я за пазухой ночью.

здесь когда-то были тополя...

Памяти Т.Ф. Байковой (Антоновой)

здесь когда-то были тополя
а теперь советских три рубля
скользкая тропинка мимо школы
золотой зимой снег порошковый
вид во двор из моего окна
с шестьдесят четвёртого рожна

здесь от малой охты по большой
среднеохтинский разлом прошёл
у домов покрой военнопленный
им по-фински море по колено
ветер заряжается с невы
чтобы выбить дурь из головы

я родился в пятьдесят восьмом
смольнинский тринадцатый роддом
вышло – две июльских единицы
так не дай им Бог перекреститься
два галчонка дома ждут меня
до свиданья мама это я

Кто-то маленький и сладкий...

*«...не хочу помидорки, хочу лучка!»
Сказала Катя Бай-Го-Фу.*

Кто-то маленький и сладкий
Рос из горькой шоколадки,
Рос и вдоль, и поперёк
Без расчётов наперёд.
Чёрный хлеб, яичко всмятку,
Чай с вареньицем вприсядку.
Кукол ангельский улов
Щебетал из всех углов.
А слова играли в прятки,
Рассыпались в беспорядке
Из улыбок всем и вся
Смехом по полу скользя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.